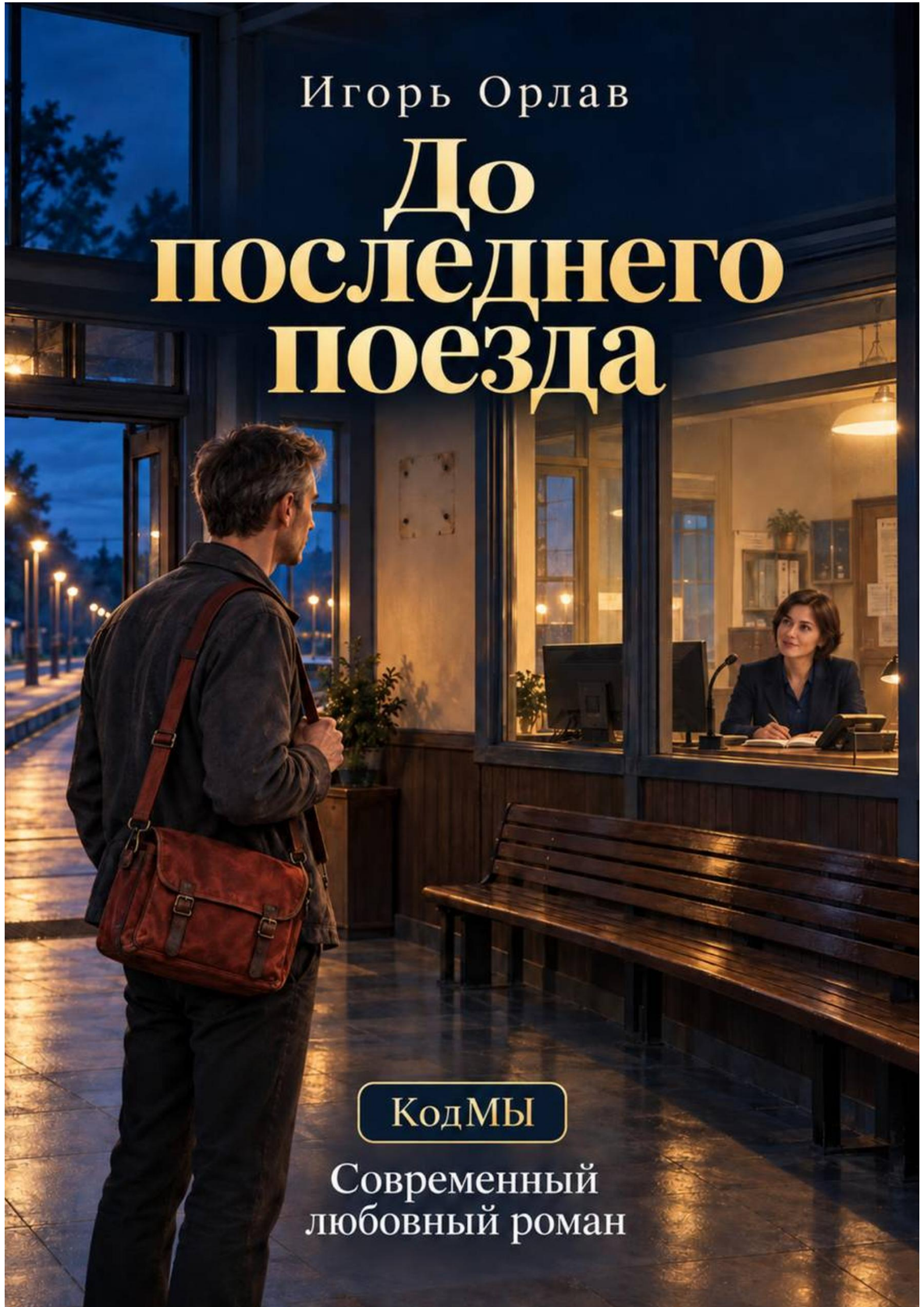

Игорь Орлав

До последнего поезда

КодМЫ

Современный
любовный роман

Игорь Орлав

До последнего поезда

«Автор»

2026

Орлав И.

До последнего поезда / И. Орлав — «Автор», 2026

Нина работает на маленьком вокзале и знает цену обещанному времени. Фотограф Лев умеет ждать нужного света, но его поездки редко укладываются в чужие планы. Семь свободных минут, вечер среди бумажных домов и встреча после отменённой съёмки постепенно становятся для них чем-то большим. Они заранее выбирают два дня для поездки в бумажный театр. Но именно на эти даты открывается доступ в павильон, который Лев мечтал снять для своей большой фотографической серии. Можно ли рассчитывать друг на друга, не требуя отказаться от любимого дела?

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Семь минут	6
2. Что остаётся в кадре	8
3. Бумажная прачечная	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Игорь Орлав

До последнего поезда

Это художественное произведение. Персонажи и события вымышлены. Совпадения с реальными людьми и обстоятельствами случайны.

1. Семь минут

Белый лист выскользнул из папки, проехал под длинной вокзальной скамьёй и лёг возле Нинино ботинка. Нина наступила на самый угол, не смяв бумагу. Мужчина с кирпичной фотосумкой присел перед ней на корточки.

— Ещё немного, и пришлось бы покупать ему билет, — сказала она.

Он поднял голову. У него был длинный нос с небольшой горбинкой, русые волосы, уже светлые на висках, и такой сосредоточенный взгляд, словно под её подошвой находилось нечто невозможное.

— Осторожно. Краска ещё не до конца высохла.

Нина убрала ногу. Мужчина подхватил лист за края: на бумаге была большая синяя буква «Р» с длинным росчерком внизу. Он бережно поставил её в открытую папку.

— Вы художник?

— Фотограф. Приехал снимать вывесочную мастерскую. Хозяин написал при мне букву и велел забрать. А я поверил, что она уже сухая.

Нина посмотрела на синюю отметину у него на пальце.

— Это он вам подлинность подтвердил.

Мужчина улыбнулся не сразу. Сначала оглянулся на городскую дверь, через которую только что вошёл, будто проверял, не собирается ли сквозняк вернуться за остальными буквами.

За стеклянной стеной в конце зала Тамара Ильинична подняла глаза от рабочего стола. Нина показала на часы и получила в ответ короткий кивок.

— Вы диспетчер? — спросил мужчина.

— Дежурная по вокзалу. Хотя меня часто так называют. Объявления, помощь пассажирам, связь с нашими сотрудниками — это ко мне. А движением поездов занимаются другие люди.

Сейчас её на время перерыва подменяла Тамара Ильинична, и семь минут действительно принадлежали Нине.

Она достала из автомата чай. Стакан был слишком горячим, и пришлось взять второй и вставить в него первый.

— Вам до областного? — спросила она.

— Да. Но я, кажется, рано пришёл.

— Это здесь исправляется без нашего участия.

Он снова улыбнулся. На этот раз быстрее.

У табло спорили две женщины. Одна уверяла, что их поезд уже подали, другая показывала на закрытую дверь кассы. Рядом с ними стоял мальчик с широким картонным тубусом, который мешал всем трем подойти ближе к расписанию. Нина поставила стакан на подоконник и подошла.

— Покажите, пожалуйста, билет.

Она объяснила, что время прибытия и время отправления написаны в разных строках, нашла нужную и предложила подождать объявления о посадке. Женщина в светлой куртке спросила, успеют ли они на пересадку.

— По расписанию между поездами сорок минут. За другой вокзал я обещать не могу. Там будет стойка информации, вот здесь на билете его название.

Она не торопила их, хотя от её перерыва осталось меньше половины. Мальчик тем временем разворачивал тубус поперёк прохода. Мужчина с фотосумкой придержал городскую дверь, пропуская человека с чемоданом, и жестом показал мальчику, как поставить тубус вертикально.

Когда Нина вернулась за чаем, он смотрел на стену над скамьёй.

— Здесь раньше висели часы?

На жёлтой краске остался светлый квадрат. Старые часы сняли весной, новые, круглые, повесили ближе к выходу на платформу. Вокзальный маляр собирался закрасить след, но всякий раз находилось что-нибудь более срочное.

— Висели. Теперь там светлее, чем положено.

— Можно снять этот участок? Без людей. И без вашей комнаты.

Нина посмотрела на его маленький фотоаппарат, всё ещё лежавший в сумке, а потом на стекло служебной стены. Рабочие экраны стояли к залу задними панелями.

— Пустую стену — можно. Если кто-то сядет на скамью, сначала спросите.

Он кивнул и не стал тут же доставать камеру.

— Спасибо. Подожду, пока отсюда уйдёт прямое солнце.

— Вы ради пустого квадрата будете ждать?

— Сейчас он просто пятно. Через несколько минут край станет мягче. Будет видно, что здесь долго находилась вещь, которую все замечали только тогда, когда она неправильно работала.

Нина отпила чай. Ей понравилось, что он не назвал стену красивой. Красивой она не была: возле пола отслоилась краска, под скамьёй лежал билет, забытый после утреннего поезда. Но мужчина смотрел на неё внимательно, без желания сделать вид, что разруха — особая прелесть.

— Нина, — сказала она.

— Лев.

Из комнаты вышла Тамара Ильинична. Нина сразу поставила недопитый стакан на поднос у автомата.

— Уже всё?

— Да, идите. Спасибо.

Лев отступил, освобождая ей проход. Нина взялась за ручку служебной двери и обернулась.

— Если лист опять улетит, положите папку на скамью подальше от входа. Там не дует.

— Я уже изучил местную погоду.

За рабочим столом она открыла оставленные коллегой записи. Нужно было уточнить, пришёл ли сотрудник, которого просили помочь пассажиру с тяжёлыми сумками. Потом зазвонил телефон. Когда Нина в следующий раз подняла глаза, Лев стоял в зале, слегка сутулясь, и держал камеру у груди.

Он ещё ждал.

Солнце медленно сползло со светлого квадрата. Нина успела сделать два звонка и поправить текст объявления, прежде чем фотограф поднял камеру. Снял один раз, опустил, посмотрел не на экран, а снова на стену. Потом убрал аппарат.

Перед посадкой он подошёл к стеклу, оставаясь со стороны зала. Не постучал, не поманил её. Просто поднял ладонь. Она ответила таким же коротким движением.

После отправления поезда Нина заметила, что синий отпечаток остался у неё на носке ботинка. Она попробовала стереть его салфеткой, только размазала и неожиданно рассмеялась.

2. Что остаётся в кадре

В следующий раз Лев появился в четверг, когда Нина освобождала проход от двух пустых коробок. Их оставили после доставки воды; одну успели использовать как столик для дорожного завтрака. Он предложил помочь, но она уже подняла коробки за прорезанные ручки.

— Лёгкие. Ваш поезд через двадцать минут.

— Я только приехал.

Она посмотрела на часы. Пригородный со стороны областного города ушёл восемь минут назад.

— Значит, успели осмотреть всю площадь.

— И купить у площади пирог. Мне сказали, яблочный, но уверенности в голосе не было.

Нина рассмеялась. До перерыва оставалось десять минут. Она сказала об этом прямо и вернулась в служебную комнату, не предлагая ему подождать. Через стекло было видно, как Лев сел на скамью и открыл на телефоне какую-то длинную переписку. Кирпичную сумку он поставил между ступнями, папку с буквой на этот раз не принёс.

Когда Тамара Ильинична приняла рабочее место, Нина вышла к скамье. Лев убрал телефон.

— Я хотел показать вам стену. Напечатал рядом с мастерской, пока ждал хозяина.

Он достал три фотографии без рамок. Нина взяла первую за уголки. Светлый квадрат оказался не в центре: большую часть занимала пустая скамья, и её потёртая деревянная спинка повторяла нижнюю линию исчезнувших часов. Видны были даже заделанные отверстия от крепления.

— А я думала, вы сделаете её другой.

— Другой была бы какая-нибудь другая стена.

— Обычно на фотографиях всё выпрямляют, закрашивают.

— Здесь мне хотелось оставить.

На втором снимке пожилой вывесочник держал кисть над буквой. Лица почти не было видно, только щека и кончик уха. Зато левая рука лежала на столе раскрытой ладонью, словно хозяин собирался что-то взвесить.

— Он так всегда делает, когда смотрит на свою работу, — сказала Нина. — Я заказывала ему табличку для соседки. Долго выбирала цвет, он утомился.

— Я попросил разрешения поснимать и целый час фотографировал кисти и банки. А потом понял, что жду вот этой руки. На столе у него она всё время сжималась, только под конец разжалась.

— Час?

— Сначала ещё проверил свет и подготовил запасной аккумулятор. Не хотелось заставлять человека повторять из-за моей забывчивости.

Нина снова посмотрела на фотографию. Лев не был похож на любителя, который попадает в нужное место исключительно по счастливой случайности. На его телефоне тем временем возникло напоминание: «Вернуть объектив, до восемнадцати». Он быстро перенёс его на более позднее время, заметил её взгляд и пояснил:

— Не срок. Напоминание о сроке. У меня их два, иначе потом придётся ехать на такси через весь город.

Третьим был снимок закрытого павильона на тихой улице Листвена. На оконном стекле ещё читалось выцветшее «Фото». Нина провела пальцем над бумажным прямоугольником, не касаясь.

— Знаю. Там во дворе сирень. Но со стороны улицы не попасть, нужно обойти через мостик.

Лев поднял на неё глаза с таким интересом, что она почувствовала себя человеком, у которого неожиданно обнаружилась полезная профессия за пределами вокзала.

— Вы помните двор?

— Я там живу через два дома.

Он хотел что-то спросить, но телефон снова ожил. На этот раз Лев прочёл сообщение внимательно и не убрал сразу.

— Что-то хорошее? — спросила Нина.

— Пока предложение. Если понравятся пробные снимки.

Он повернул экран, оставив открытым только абзац письма. Арт-редактор Аглая Вересова писала о фотографической серии для иллюстрированной книги. «Береговые комнаты» — небольшие пристани, городки возле воды, места, где люди проводят обычный день: читальный зал, паромная касса, общая кухня при мастерской. Нужно было не просто привезти фотографии, а придумать, как эти комнаты будут разговаривать на соседних страницах.

— Шесть недель оплаченной работы, — сказал Лев. — Восьмого октября уехать, девятнадцатого ноября закончить. Объектив, который я сам пока не куплю. И целый раздел с моим именем. Не десять картинок между рекламой кроватей.

Сказав это, он замолчал, словно сообщил слишком много.

— Кровати не нравятся? — спросила Нина.

— Нравится оплачивать ими мастерскую. Но уже хочется снять что-нибудь, где одеяло можно оставить помятым.

Она поняла. У себя дома Нина порой нарочно оставляла на столе недоделанные бумажные домики. Чтобы утром увидеть не убранную поверхность, а место, где её ждёт занятие.

Про домики она рассказала не сразу. Сначала спросила, как он будет добираться между пристанями. Лев объяснил, что основной маршрут уже намечен, но допуски в некоторые помещения придётся подтверждать отдельно. Снимать людей он собирался только после разговора с ними. Она спросила ещё о комнатах, и наконец бумажные дома сами вошли в разговор.

— Я вырезаю фасады. Потом ставлю их на полку и двигаю. В настоящем городе булочную к себе поближе не переставишь.

— Покажете?

— Когда дострою прачечную.

— Прачечная обязательна?

— У меня целая улица. Люди должны где-то стирать.

Он засмеялся и предложил записать её номер. Нина продиктовала, потом тут же увидела сообщение: «Лев. Прачечную могу подождать».

Перерыв кончился. Она вернула снимки, но он оставил ей фотографию стены.

— Возьмите. Вам она знакомее.

У самой двери Нина остановилась.

— В следующую пятницу у меня выходной. Если приедете к шести, покажу проход к павильону.

Лев открыл календарь. Она ждала, впервые за этот разговор не следя за вокзальными часами.

— Приеду. В шесть у городского входа?

— Да. Без служебного стекла.

3. Бумажная прачечная

В пятницу Нина пришла к вокзалу за пять минут до шести и увидела Льва с небольшим свёртком под мышкой. На ней был тёплый зелёный свитер, прямые тёмно-каштановые волосы едва доходили до нижнего края уха. Без рабочего жакета её плечи казались шире, а лицо с широкими скулами — моложе, хотя сама она о лице сейчас думала меньше всего: стояла и решала, следовало ли предупредить его, что угощение дома будет самое обыкновенное.

— Я привёз бумагу, — сказал он вместо приветствия. — Обрезки из мастерской оформления. Мне разрешили взять. Можно строить дорогой квартал.

В свёртке лежали листы синих и серых оттенков. Нина провела большим пальцем по краю самого плотного.

— Серая сгодится для прачечной. У неё должна быть хорошая крыша.

Они пошли к мостику через ручей. Лев шёл не торопясь, иногда останавливался, но каждый раз догонял её, прежде чем она успевала обернуться. Во дворе бывшего павильона сирень уже почти потеряла листья. Через сухие ветки виднелась наружная стена с широким окном; раньше через него, вероятно, освещали место съёмки.

— Вот, — сказала Нина. — С улицы кажется сараем, а здесь целый дом.

Лев опустил на корточки у старого крыльца, посмотрел снизу на окно и поднялся. Камеру не достал.

— Рано. Здесь хороший свет будет завтра утром.

— Ты умеешь прийти куда-нибудь просто так?

Он заметил её «ты», но не стал отмечать.

— Учусь. Сейчас получается.

У мостика он всё же взял камеру. Нина напряглась, и он сразу опустил её.

— Хотел снять отражение в воде. Ты не попадаешь.

— Меня лучше заранее спрашивать.

— Хорошо.

Он не стал уверять, что она напрасно стесняется, и не уговорил улыбнуться. Снял дрожащий прямоугольник окна в ручье, показал экран. Вода делила стекло на отдельные светлые полосы. Нина смотрела на изображение, а он придерживал для неё ветку, которую она иначе задела бы лицом.

Она жила на втором этаже небольшого дома. Пока поднимались, объяснила, что ужин уже готов и церемониться не с чем. Лев сказал, что готов к отсутствию церемоний, но в дверях всё-таки долго пытался понять, куда поставить обувь. Нина молча передвинула собственные ботинки, освобождая место рядом.

На кухне пахло печёным картофелем и яблоками. Бумажная улица стояла на подоконнике: булочная, двухэтажный дом с зелёными ставнями, крошечная парикмахерская. Прачечная лежала отдельно, придавленная блюдцем. Лев прежде всего спросил, можно ли взять булочную.

— За основание. Она ещё плохо держится.

Он поднёс домик к глазам и увидел внутри неровно вырезанный прилавок.

— Ты даже туда залезла.

— Иначе снаружи видно, что пусто.

Поставив булочную, он взял парикмахерскую. Нина показала, как отгибается задняя стенка.

— Почти декорация. В соседнем городе есть бумажный театр, я давно хочу посмотреть. Там ещё бывают занятия: можно сделать свою сцену, фигурки.

— Для взрослых тоже?

— Надеюсь. Иначе придётся подговорить какого-нибудь ребёнка взять меня с собой.

За ужином он рассказал, как снимал новый диван, который не проходил в приготовленную комнату. Хозяин магазина предлагал разобрать косяк; в конце концов фотографировали в коридоре, и лучшим оказался кадр с курткой грузчика на подлокотнике. Нина рассказала о человеке, приехавшем встречать родственницу на сутки раньше. Он не уехал сердитым, а спросил, есть ли в Листвене музей, и вернулся на следующий день с двумя билетами туда.

— Ты помнишь, кто куда шёл? — спросил Лев.

— Нет. Только некоторых. Тех, кто пошёл не туда, обычно лучше.

Она убрала тарелки, и они занялись прачечной. Нина дала ему линейку и тупой нож для сгибов. Лев внимательно провёл линию, однако слишком надавил и прорезал картон насквозь.

— Это будет окно, — сказал он, осмотрев повреждение.

— Это должна была быть крыша.

— Световой фонарь. У прачечной хорошие возможности.

На подоконнике остались обрезки. Лев выбрал длинную зелёную полосу, сложил пополам и поставил между домами.

— Забор?

— Скамейка. У вас на улице негде сидеть.

Нина согнула края так, чтобы получились ножки. Скамейка вышла размером с булочную.

— Тогда придётся уменьшить жителей, — сказал Лев.

— Наоборот. Увеличить. Ты как фотограф должен разбираться в масштабе.

Он признал ошибку и отрезал половину полосы. Нина смотрела, как он возится с крошечными ножками. Ещё час назад ей хотелось поскорее спрятать клеёнку со следами клея. Теперь она подтянула её к краю стола, чтобы обоим было удобнее работать. По кухне летали зелёные обрезки, и убирать их не хотелось.

Нина села рядом, взяла у него нож и показала, как наклонять лезвие. Их руки соприкоснулись. Никто сразу не отодвинулся. Потом она вернула нож, но осталась сидеть плечом к его плечу.

Лев делал медленно и гораздо аккуратнее, чем она ожидала после первой ошибки. Он умел следовать чужому объяснению, не превращая помощь в состязание. Когда прачечная встала на стол, они обнаружили, что дверь открывается прямо в стену соседнего дома. Перебрали булочную, подвинули парикмахерскую. Нина принесла из комнаты настольную лампу, и Лев направил свет через прорезь в крыше. На стол легло маленькое светлое окно.

— Вот теперь можно фотографировать, — сказала она.

Он посмотрел на неё.

— Можно?

— Дом. Меня пока оставь большой.

К четверти одиннадцатого Нина завернула ему два пирога в бумагу и стала искать свой шарф. Она заранее рассчитала дорогу: спокойно выйти в двадцать пять минут, пройти через мостик и быть на платформе с запасом. Лев проверил билет только после того, как оделся.

У ручья они остановились. В окне павильона отражалось освещённое окно соседнего дома, и по стеклу медленно проходила тень ветки. Лев потянулся к сумке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.